

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.2046](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046)

Е. А. Островская

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МЕДИАДИСКУРС ОБ РПЦ: ПРАВОСЛАВНЫЕ TELEGRAM-КАНАЛЫ

Правильная ссылка на статью:

Островская Е. А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-каналы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 454—476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046>.

For citation:

Ostrovskaya E. A. (2022) Alternative Media Discourse about the ROC: Orthodox Telegram Channels. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 454–476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2046>. (In Russ.)

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МЕДИАДИСКУРС ОБ РПЦ: ПРАВОСЛАВНЫЕ TELEGRAM- КАНАЛЫ

ОСТРОВСКАЯ Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: elenaostrovspb@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0664-1514>*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы неоднородности внутрицерковного медиадискурса о современном российском православии. Автор знакомит читателя с результатами своего исследования узкого сегмента либеральных Telegram-каналов. Методологической рамкой стали концепция коммуникативных фигураций Андреаса Хеппа, стратегия case-study, методы биографического и экспертного интервью. Такая композиция методологии и методов позволила автору выявить и описать социокультурные, поколенческие, профессиональные и мировоззренческие характеристики среды либеральных православных Telegram-каналов. В Telegram существуют православные каналы, посвященные непосредственно проблематике либерализации РПЦ, а также каналы, высказывающиеся по этой тематике опосредованно — через комментарии текущей новостной повестки в либеральном ключе или участие в межканальных дискуссиях. Каналы, нацеленные узко на либеральный паттерн дискурса об РПЦ, имеют отчетливый фрейм релевантности. Селекция тематик для обсуждения производится здесь в соответствии с тремя критериями: ориентированность на определенных

ALTERNATIVE MEDIA DISCOURSE ABOUT THE ROC: ORTHODOX TELEGRAM CHANNELS

*Elena A. OSTROVSKAYA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Theory and History of Sociology
E-MAIL: elenaostrovspb@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0664-1514>*

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article invites a sociological study of points of the church discussion about the ROC, which construct fundamentally different semantic worlds of Russian Orthodoxy. The author addresses the problem within the church media discourse about contemporary Russian Orthodoxy in a narrow segment of liberal Telegram channels. The methodological framework of the study combines the concept of communicative figurations by Andreas Hepp and the case-study strategy. This composition supplied the focus of the study on identifying and analyzing the constellation of actors, topics, and practices of those Orthodox Telegram channels that enter an open discussion on the issue of liberalization and reform of the Russian Orthodox Church. The article raises the following questions: What socio-cultural, generational, professional, and ideological characteristics distinguish the milieu of liberal Orthodox Telegrammers? What is the relevance frame of liberal Telegram channels that determines the way of information exchange and the content of communications about modern Orthodoxy? How do the communicative practices of individual channels construct a semantic world that other media recognize as belonging to the liberal discourse of the church? The author

богословов, религиозные убеждения, социальные идеи и практики. Сообразно этим критериям дискурс каналов нацелен на обсуждение таких тем, как восстановление института права в церкви, создание правовой системы с независимым судебным производством, расширение прав различных групп на участие в церковном управлении, выборность клира, финансовая отчетность, защита интересов рядового духовенства и мирян. Выборочный case-study либеральных каналов показал, что их практики разворачиваются либо в логике нишевого СМИ, либо в логике блога.

found out that there are Telegram Orthodox channels directly devoted to the liberalization of the Russian Orthodox Church and those that speak out on these topics indirectly — through comments on the current news agenda in a liberal manner or participation in inter-channel discussions. Channels devoted narrowly to the liberal pattern for debate about the ROC have a distinct frame of relevance. In this context, the selection of relevant meanings follows three criteria — focusing on certain theologians, religious beliefs, social ideas, and practices. According to this frame, the following topics are relevant for direct discussion: the restoration of the institution of law in the church, the creation of a legal system with independent judicial proceedings, the expansion of the rights of various groups to participate in church government, the election of the clergy, financial reporting, protection of the interests of ordinary clergy and laity. A particular case study of liberal Orthodox channels showed that their practices unfold either in the logic of a niche media or a blog.

Ключевые слова: либеральный церковный дискурс, медиатизация православия, коммуникативные фигуры, православные Telegram-каналы

Keywords: liberal church discourse, mediatization of Orthodoxy, communicative figurations, Orthodox Telegram-channels

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 19-011-00871 «Социальные медиа как фактор трансформации православия в современной России».

Acknowledgments. The research was carried out with the financial support of the RFBR, within project No. 19-011-00871 “Social media as a factor of transformation of Orthodoxy in modern Russia”.

Тотальная медиатизация социальных практик открыла перед социологами религии уникальную возможность изучения сообществ и дискурсов, прежде труднодоступных или, по умолчанию, не рекомендуемых для исследования. Однако исследования такого рода все еще пробуксовывают. Консервативная академи-

ческая логика выкидывает за борт труднодоступные религиозные сообщества. Объяснение простое — они ведь статистически малые, не оказывают влияния на общественное мнение, политически не конфликтные. Зачем тратить годы на поиск входа к респондентам, мнения которых не экстраполировать на общество в целом? В разряд труднодоступных наряду с закрытыми религиозными группами интересным образом попадают и православные приходские общины, монастыри, внутрицерковные дискурсы о современном российском православии.

В российских социологии и религиоведении православие представлено количественными опросами о специфике современной «религиозности» россиян и степенях «воцерковленности» граждан. На заре перестроечных 1990-х годов вопросы о специфике новой религиозности российских граждан после эпохи гонений на религию, о форматах воцерковления представлялись чем-то очень прогрессивным и остроактуальным. В 2020-х годах социологи и религиоведы так и не пришли к пониманию того, что есть религиозность и как все-таки измерить воцерковленность православных. Однако размышление о «религиозности» православных в цифрах продолжается. Благо и реальность не подводит: в 2021 г. опросы ВЦИОМ показали, что количество аффилирующих себя с православием снизилось на 9 п. п. и составило 66 % опрошенных по сравнению с 2017 го., когда таковых было 78 %¹.

Преобладание стратегии количественных исследований РПЦ имеет отчетливый идеологический формат. Опросы населения о религиозной аффилиации граждан и воцерковленности верующих у храмов накануне крупных церковных праздников не требуют кропотливых поисков входа в религиозное сообщество, доверия респондентов. Они понятны, не опасны, не затрагивают мировоззренческих диспозиций общества. Социолог в такой ситуации, как правило, особенно если это православный социолог, получает одобрение со стороны священноначалия. Количественное изучение специфики религиозности постсоветского гражданина не берет в рассмотрение внутренних церковных настроений и дискуссий. Результаты количественных опросов даже по касательной не затрагивают вопроса о динамике развития православной жизни с начала эпохи ее возрождения в 1990-х годах. Они презентуют РПЦ как некий монолит, традиционную религию, да, претерпевающую секуляризацию, как и многие иные религии в условиях современного общества.

Соприкоснуться хотя бы в первом приближении с темой реформирования богослужбной практики или организационной и управленческой структур РПЦ можно в основном благодаря публикациям издания Meduza*² или статьям в «Новой газете»³. О рухнувшем проправославном консенсусе российского общества, о по-

¹ Великий пост — 2021. Аналитический разбор // ВЦИОМ. 2021. 15 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения 26.01.2022).

² Здесь и далее * означает средство массовой информации, признанное в РФ выполняющим функции «иностранного агента». См., например, Лученко К. Богослужения на русском, женское священство и новые правила поста. Шесть идей для реформ в РПЦ // Meduza*. 26.01.2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/01/26/bogoslužheniya-narusskom-zhenskoe-svyaschenstvo-i-novye-pravila-posta> (дата обращения 18.08.2021).

³ Севастьянов Л. Православный блокчейн. РПЦ нужно отказаться от вертикальной модели управления // Новая газета. 2018. № 125. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/11/11/78544-pravoslavnyy-blokcheyn> (дата обращения 16.08.2021); Чапнин С. Деньги, кадры, послушание. Реформирование РПЦ: что предстоит поменять после окончания эпохи патриарха Кирилла? // Новая газета. 2019. № 99. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/06/81865-dengi-kadry-poslushanie> (дата обращения 16.08.2021).

ляризации настроений и «воронке конфликтов» внутри РПЦ мы узнаем со страниц «Нового литературного обозрения»⁴. А обсуждение такой, казалось бы, остроактуальной темы, как отношение православного большинства российского общества к интернету и новым медиатехнологиям, было инициировано опубликованной на английском языке коллективной монографией «Цифровое православие в постсоветском мире»⁵ [Suslov, 2016].

В истекшие несколько лет постепенно стали появляться медиаисследования, в которых зазвучали темы противоречивости публичного имиджа православного священства [Морозов, 2016], кризисных компонентов и неудовлетворительности приходской офлайн-коммуникации между священником и мирянином [Богданова, 2020], системного мировоззренческого кризиса внутри церковного сообщества [Агаджанян, 2021]. В данном контексте хочу подчеркнуть, что даже если в изначальный проект исследования входили только задачи изучения медиапрактик какого-либо прихода или структуры священнических блогов в социальных сетях, то социолог все равно неизбежно соприкасается с конфликтной и неоднозначной конкретикой православной среды. Цифровизация приходской и храмовой жизни и все углубляющийся процесс медиатизации религиозных коммуникаций, взаимодействий священников и мирян сделали православие проницаемым для научного анализа.

В течение нескольких лет изучения православных священнических блогов в социальных сетях «ВКонтакте», Facebook**⁶, Instagram**, LiveJournal и на платформе YouTube я неоднократно слышала от респондентов о конфронтирующих мировоззренческих направлениях внутри РПЦ и неписанном табу на публичное обсуждение реального содержания такой конфронтации. В интервью звучало мнение, что понятие «либерал» постепенно превратилось в ярлык и аларм-метку (*alarm mark*), произвольно навешиваемые на тех священников, кто отваживается публично озвучивать собственную гражданскую позицию, комментировать в своем блоге остроактуальные события внутри РПЦ.

В моих последующих экспертных интервью с представителями православных СМИ, учеными-религиоведами, имевшими опыт работы в православных медиа, уже открыто заявлялся тезис о том, что актуальный и открытый дискурс об РПЦ давно выведен за рамки повестки православных СМИ. Площадкой для подобных дискуссий стал Telegram.

Предлагаемый читателю материал — это первый шаг в направлении социологического изучения сегментов церковного дискурса об РПЦ. Качественная стратегия исследования позволяет войти в этот дискурс, рассмотреть его смысловые сегменты, конструирующие принципиально различные интерпретации

⁴ Статья «Конец „проправославного консенсуса“: религия как новый раскол российского общества» известного российского социолога Дмитрия Узланера была первоначально опубликована на английском языке в 2018 г. [Uzlaner, 2018]. Широкому российскому читателю она стала доступна благодаря переводу на русский язык и публикации в журнале «Новое литературное обозрение»: Узланер Д. Конец «проправославного консенсуса»: религия как новый раскол российского общества // Новое литературное обозрение. 2020. № 3. URL: https://www.nlbooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/163_nlo_3_2020/article/22227/?fbclid=IwAR0nxYldWf_x8zEBz9G-8aG4ZxSnkKWJbc mAnAnFdjgaQbxbyR950tGYDs (дата обращения: 18.08.2021).

⁵ Рецензию на эту монографию с подробным аналитическим обзором статей см.: [Белоруссова, 2020].

⁶ Здесь и далее ** означает социальные сети, деятельность которых запрещена на территории РФ.

социальной реальности. В настоящей статье я обращаюсь к проблеме внутрицерковного медиадискурса о современном российском православии в узком сегменте либеральных Telegram-каналов. А такой ракурс рассмотрения предполагал case study тех православных Telegram-каналов, которые выходят на открытую дискуссию по проблемам либерализации, организационного и управленческого реформирования РПЦ. Меня интересовали следующие вопросы: какие социокультурные, поколенческие, профессиональные и мировоззренческие характеристики отличают среду либеральных православных Telegram-блогеров? Каков фрейм релевантности либеральных Telegram-каналов, определяющий способ обмена информацией и содержание коммуникаций о современном православии? Каким образом коммуникативные практики отдельных каналов конструируют смысловой мир, опознаваемый другими каналами как относящийся к либеральному направлению церковного дискурса?

Методология и методы исследования

В своем исследовании я использовала концепцию коммуникативных фигураций, предложенную Андреасом Хеппом в рамках социально-конструктивистской теории медиатизации общества⁷. Выбор в пользу этой концепции был напрямую связан с рабочей гипотезой о существовании паттернов дискурса об РПЦ внутри профессиональной православной среды, воспроизводимых в коммуникативных практиках православных Telegram-каналов. Концепция коммуникативных фигураций А. Хеппа нацелена на выявление коммуникативных паттернов, увязывающих в единое целое офлайн- и онлайн-коммуникации. Коммуникативная фигурация трактуется как состоящая из трех обязательных компонентов: констелляции акторов, фрейма релевантности и коммуникативных практик, опосредуемых медиа и включенных в разнообразие других социальных практик. Констелляция акторов — структурная основа фигурации — это сеть взаимосвязанных индивидов, соотнесенных в своей деятельности и коммуницирующих друг с другом. Она характеризуется контингентностью («сейчас так, но может быть иначе») — состав акторов подвижен и открыт к появлению новых участников. Констелляция акторов в своем расширенном объеме может быть не связана в офлайн-повседневности ни узамы локальной религиозной общины, ни принадлежностью к какой-либо организации, ни родством или дружбой. Онлайн-консолидации опосредованы конкретными запросами/интересами акторов к дискурсу о современности, идентичности, практиках, ритуалах и проч. Фрейм релевантности — это смысловой ориентир коммуникаций, задающий рамку обмена информацией в желаемом направлении и производящий селекцию смыслов из общего коммуникативного поля дискурса. Коммуникативные практики — это опосредуемые медиа тематизированные коммуникации, которые вплетены в широкое разнообразие социальных офлайн-практик. Репертуар медиа, используемый индивидуальными акторами, может быть весьма разнообразен. Медиаансамбль фигурации, как правило,

⁷ Социально-конструктивистская теория медиатизации общества и концепция коммуникативных фигураций рассматривались мною в статьях о медиaprактиках и цифровых консолидациях русскоязычных ортодоксальных евреев [Ostrovskaya, 2021], а также о священнических блогах в социальных сетях [Островская, 2021]. Анализ теории и концепции содержится и во вводной редакционной статье к отдельному выпуску журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», посвященному теме религии и медиа [Гришаева, Шумкова 2020].

беднее по ассортименту, в нем превалирует одно медиа, используемое всеми акторами [Hepp, Hasebrink, 2018: 30—32].

Исследование православных Telegram-каналов, посвященных дискурсу о православии, проводилось в период с января по июль 2021 г. с использованием качественных методов case-study — экспертного, биографического, полуструктурированного интервью и онлайн-анализа текстов. На этапе пилотажа было проведено семь экспертных интервью с исследователями религии, имеющими долгосрочный опыт изучения православной среды и сотрудничества с различными православными СМИ, а также обладающими навыками ведения блога или написания/редактирования текстов для православного цифрового ресурса. Экспертам были предложены вопросы об использовании новых медиатехнологий внутри православной среды, о православных медиапрактиках в социальных сетях, о классификации Telegram-каналов по критерию «консервативные — либеральные». На первом этапе исследования сбор информации также проводился посредством анализа публикаций о популярных Telegram-каналах в православных СМИ и подписки на эти каналы с целью мониторинга тематического репертуара и основных коммуникативных практик. Результаты первого этапа исследования позволили сформировать целевую выборку для изучения конкретных кейсов, отвечающую следующим критериям: долгосрочный опыт работы внутри РПЦ, опыт сотрудничества с православными медиа или актуальная профессиональная деятельность внутри РПЦ; количество подписчиков не менее трех тысяч, тематическая направленность канала на дискурс о либерализации РПЦ. На втором этапе были проведены интервью и выборочный текстовый анализ каналов. Всего было сделано 27 интервью, в целевую выборку попали 5. Целевая выборка по Telegram-каналам наполнялась методом выборки, управляемой респондентами [Volz, Heckathorn, 2008]. Первая волна наполнения выборки была образована каналами, названия которых повторялись во всех интервью, а также были аттестованы экспертами в качестве «либеральных». В результате первой волны в выборку попали каналы «Православие и зомби» и «Батюшка Лютер». Вторая волна наполнения выборки пришла через интервью с авторами этих каналов и дополнила выборку каналами «Темная теология», «Религия сегодня» и сайтом «Ахилла»⁸.

Отдельно необходимо сказать об этической составляющей исследования. В тексте авторские цитаты помечены названием соответствующего канала. Они согласованы и разрешены к публикации.

Конstellация акторов: православие как призвание и профессия

В большинстве интервью с экспертами и авторами Telegram-каналов подчеркивалась закрытость среды православной журналистики и блогосферы для «внешних, нецерковных людей». Из интервью в интервью повторялся тезис о разделении на «свой — чужой» внутри этой среды профессионалов, включенных в дискурс об РПЦ. В этом контексте биографический нарратив представлялся мне оптикой, благодаря которой возможно пролить свет на способы входа и формирования

⁸ «Православие и зомби», см. URL: <https://t.me/orthozombies>, на период исследования у канала был 6 121 подписчик; «Батюшка Лютер»: URL: <https://t.me/batluter> — 7 190 подписчиков; «Религия сегодня». URL: <https://t.me/relijiontoday> — 10 636 подписчиков; «Темная теология»: <https://t.me/darktheology> — 1 541 подписчик.

социальных связей в данной среде, обнаружить символические коды опознавания «свой — чужой» и связь между биографическим сценарием и индивидуальными медиарепертуарами.

Либеральные Telegram-каналы созданы преимущественно представителями поколения родившихся в самом конце 1970-х — в 1980-х годов. Большинство характеризовало себя как выходцев из среды изначально нерелигиозной и невоцерковленной. Выбор православия они оценивали как самостоятельный, сделанный в отрочестве или ранней юности, противопоставляли его тому, что было в родительской семье. Вместе с тем культурный бэкграунд родителей оказывался весьма значимым в отношении траекторий духовного поиска — выбора из многообразия религиозного предложения 1990-х годов:

В семье никто не был религиозен, но как-то это всегда было — в культуре, в книжках, которые я любила в детстве и в юности. С начала 90-х стали открывать храмы прямо рядом с домом. Мы ходили, это было очень красиво, из какой-то другой жизни — руины, открытое небо и литургия. Потом я заявила бабушке, что хочу креститься. Ну, непорядок какой-то, да, еще батюшка меня спросил в этой церкви. Я крестилась, еще была «Детская Библия», которую все читали, такая глянцево-синяя. Я прочла эту вот Библию, потом еще было Евангелие в комиксах, которое баптисты раздавали. А в 13 лет я поняла, что мне надо Библию прочесть. Потом я ходила к протестантам в воскресную школу. В начале 90-х они раздавали бумажки, мол, к нам приходите, у нас тут собрания. Года три каждое воскресенье к ним ходила с подружками. Тогда я уже начала понимать, что это не православие. Эстетическая часть православная перевешивала: культура, иконы мне очень нравились. Мама у меня вообще гид-переводчик, хорошо знала искусство. Мы с ней все время ходили иконостасы в соборах Кремля рассматривали, в Третьяковку — в залы иконописи. Я занималась языками, филологией, литературой с самой школы и потом я поступила на журфак, потому что это было такое совмещение всех моих литературно-филологических интересов и настроений 1990-х. Тогда очень хотелось менять мир с помощью слова, была такая романтическая посылка. Поступила на журфак МГУ, было бодро и интересно. Мой духовный поиск совпал с профессиональным приложением. Дальше уже начались встречи со священниками. («Православие и зомби», интервью, июль 2021 г.)

Биографические нарративы респондентов, школьная и вузовская социализация которых прошла в столичной образованной среде, обнаруживают общие коммуникативные коды принадлежности к определенной мировоззренческой нише российской церковной среды. К числу этих кодов относятся осознанное решение о воцерковлении, поиск определенного храма, чтение книг из «так называемого набора интеллигента — Шмеман, владыка Антоний Сурожский» (интервью с автором канала «Батюшка Лютер»), социализация в общинах конкретных приходов, связанных в своей деятельности с тем вузом, в котором учились респонденты:

Я родился в довольно стандартной семье — ничего с религией связанного не было, никакого серьезного религиозного бэкграунда тоже не было. И, собственно, с верой

я стал знакомиться, когда начали воцерковляться мама и бабушка. Это был довольно сложный процесс, связанный с чтением Антония Сурожского и общением с представителями отдельных приходов. Какую-то свою осознанную церковную жизнь я помню года с 1999. Дальше была такая стандартная приходская социализация через хождения на богослужения, воскресную школу, молодежку и т.д. Потом, после школы, я поступил на теологию в ПСТГУ, потому что знал о нем от своих старших товарищей по приходу, знал некоторых преподавателей. Церковная среда, к которой я тогда принадлежал, была более всего связана с ПСТГУ. Я сам много читал про уклад семинарий, это мне было не близко, я хотел чего-то более свободного. Я закончил бакалавриат и магистратуру богословского факультета. Потом продолжил заниматься научной и административной работой. Вся моя дальнейшая жизнь так или иначе связана с теологией. («Религия сегодня», интервью, июль 2021 г.)

Респонденты, не избравшие стезю преподавателя религиозного образовательного учреждения с консолидированной церковно-приходской средой, стремились тем не менее включаться в многообразные социальные связи внутри так называемой церковной среды. Здесь и сотрудничество с разными церковными или околоцерковными СМИ, и должности в церковных структурах. Близкое знакомство с организованной церковной жизнью изнутри, долгосрочное наблюдение ее жестких границ и правил часто приводили респондентов к решению о смене профессиональной стези:

...В 2008 г. мне пришла в голову идея попробовать, как это живется в монастыре. Поехал в Соловецкий монастырь и жил там в качестве послушника. Я понял, что это не мое, вернулся в Москву и принял решение поступать в семинарию. В 2009 г. поступил в семинарию, которая в Сергиевом Посаде. Учился очно два года, потом перешел на экстернат, потому что меня пригласили работать в Богословскую комиссию. Когда учишься в семинарии и видишь, как устроена система управления церковью, то понимаешь, что не очень хочется быть крепостным. Понятно, что священнический сан дает некую власть, кому это интересно, но все равно самый бесправный в церкви — это священник, так как они находятся во власти епископов. Мне все это очень быстро стало понятно, потому что мне было уже под 30, я имел жизненный опыт. Перейдя на экстернат, я поступил туда в аспирантуру. Там не требовалось иметь высшее духовное образование, достаточно было светского высшего. У меня еще дополнительное журналистское образование РУДН. Мы работали на портале «Богослов.ру» — писал туда религиозную аналитику. Я проработал в Комиссии десять лет, в 2020 г. я оттуда ушел. («Темная теология», интервью, июль 2021 г.)

Сходные жизненные траектории обнаруживаются и в биографиях респондентов, выбравших стезю священника. Их жизненный проект складывался в начале 2000-х годов, отмеченных идеологическими посылами высшего священноначалия к либерализации РПЦ. Однако реализовать этот проект оказалось мало возможным. В своей профессиональной практике они столкнулись с замкнутыми мировоззренческими общинами внутри РПЦ, неприятием каких бы то ни было инноваций консервативной средой собственных приходов:

Стандартная модель прихода, как она сложилась в советское и постсоветское время, такова: священник приходит, служит, освящает все, что можно освятить. У прихода нет какой-то активной деятельности. То, что сделал Патриарх Кирилл, за что ему честь и хвала — приходы должны заниматься внебогослужебной деятельностью. Соответственно, модель приходской жизни должна была измениться. Это не то что просто пришел, отслужил литургию, посвятил и ушел. Постоянно должна быть активность на приходе, мероприятия — миссионерить, привлекать молодежь, вести евангельские кружки, проводить паломничества и поездки. Этого мне хотелось — модель священника, который не ограничен алтарем, новый тип священника. Это тип, который Патриарх Кирилл очень насаждал, тип, который дал хороших клириков. Я пришел к этому через пример Николо-Кузнецкого храма, где все это было, конечно, еще до Патриарха Кирилла, потому что там всегда служили активные и неравнодушные священники. <...> Меня направили служить в храм Рождества Пресвятой Богородицы во Владыкино, который тоже не закрывался в советское время. Некоторые из клириков там оказались мне близки по взглядам, что надо менять что-то в церкви. Я искал единомышленников. Тогда я познакомился с о. Георгием Кочетковым, о. Владимиром Лапшиным, вокруг которого собираются духовные чада прот. Александра Меня и вообще интеллигенция. Что касается о. Георгия Кочеткова, то он хоть и занимался переводами богослужения на русский язык, но на самом деле по взглядам он очень консервативен, община консолидирована жестко вокруг него. Сам я никогда не вошел бы в его братство. Но на самом деле и никола-кузнецовская модель общинная тоже очень закрытая и жестко выстроенная. Если у Кочеткова, чтобы войти в его сообщество, человек должен пройти полную катехизацию, то в никола-кузнецком случае такой основной принцип — это идея многодетности. Семья должна быть многодетной, чтобы считаться православно-христианской. Если семья не может иметь детей или много детей, то она входит в категорию тех, кто должен служить Богу по-другому, например помогать многодетным семьям прихода. <...> В 2015 г. мне предложили стать настоятелем храма, но сам храм еще предстояло построить. Я начал строительство храма и сразу развернул свою деятельность: организовал катехизаторские курсы, паломнические поездки, кино клуб, евангельский кружок, вложил силы в существовавшие уже воскресную школу и лекторий. Три года я там настоятельствовал. Но не всем нравилась моя деятельность, некоторые представители старой гвардии прихода стали писать жалобы. В итоге возникла потенциально конфликтная ситуация с теми людьми, у которых было иное видение церковной жизни. («Батюшка Лютер», июнь 2021 г.)

И в приведенной цитате, и в сходных интервью респонденты подчеркивали, что на практике столкнулись с цензурой и критикой со стороны вышестоящего священноначалия, невозможностью свободного высказывания. Все это стимулировало поиск альтернативного пространства коммуникаций о современной РПЦ. Таковым для многих стали интернет и социальные сети. Вынужденный или добровольный отказ от сана имел своим следствием создание собственной медианши («Батюшка Лютер», «Ахилла»).

В случаях, когда респонденты избирали стезю религиозной журналистики, долгосрочное сотрудничество с православными изданиями вкупе с глубоким погружением в конкретику православной жизни приводило к пониманию несовместимости логики и формата СМИ с ригидной средой идеологически ангажиро-

ванных церковных медиа. В ситуации жесткого цензурирования и недопустимости свободного аналитического высказывания выходом становилась вновь возникшая площадка мессенджера Telegram:

Потом я стала работать на документальных проектах. Мы делали фильмы, первый был про философов советского времени, назывался «Отдел». Там Мамардашвили, Корякин, Щедровицкий, Грушин. Круг людей, которые работали в журнале «Проблемы мира и социализма», в Институте философии. Потом был фильм «Жара» про религиозные поиски этих вот советских интеллигентов 70—80-х. Параллельно я продолжала писать про православие разные репортажи. У меня вышла книжка «Матушки» — интервью с женами священников, отчасти такой исследовательский интерес. Потом была книжка «Россия — взгляд с колокольни», когда мы ездили с фотографом Анной Гальпериной по разным городам — смотрели, какой сейчас регион и какую роль играет Церковь, кто там есть из интересных священников. Я всегда работала везде. Я успела побывать главным редактором «Татьянин день», там была идея сделать хорошее СМИ! И на короткий период мне даже удалось сделать это СМИ. А дальше начались всякие сложности, включая цензурные и бюджетные, и прочие. Я ушла. Когда ты внутри — это сильная аналитическая оптика. Конфликт интересов я избегаю, есть кодекс журналиста. В моем случае трудно отделить личную веру от профессиональной компетентности. Теперь религией я занимаюсь в свободное время. Мои журналистские тексты я продолжала писать, Telegram-канал у меня есть. («Православие и зомби», интервью, июль 2021 г.)

Православные Telegram-каналы: фрейм релевантности либерализма

Появление первых православных каналов⁹ на платформе мессенджера Telegram пришлось на 2016 г. В течение последующих трех лет эта платформа была обжита большинством православных официальных СМИ. Появились на ней и личные блоги священников и мирян. Здесь необходимо отметить, что в Telegram есть каналы, функционирующие как блоги, и те, которые представляют тот или иной православный сайт, портал или медиапроект. Последние в большинстве случаев публикуют анонсы-ссылки на вновь опубликованные статьи или материалы соответствующих порталов, проектов или сайтов. В числе изученных мною кейсов, примером таких является канал «Ахилла», представляющий одноименный сайт. Блоги священников также подразделяются на те, чьи авторы пишут только для своего канала в Telegram, и те, которые полностью или частично дублируют контент основного блога в Instagram**, «ВКонтакте» или Facebook**.

Свое исследование я сосредоточила на изучении тех православных Telegram-каналов, которые большинством интервью были охарактеризованы как относящиеся к либеральному направлению внутри РПЦ. В числе прочих респондентам были предложены вопросы о смысловом и практическом наполнении разделения на «консерваторов» и «либералов», о референции каналов в Telegram и собственного канала по полюсам «консервативный — либеральный». Общим для

⁹ См.: Первыми православными каналами в Telegram стали «Православный календарь» и «Евангелие», причем оба явились инициативными проектами совместных усилий журнала «Фома» и радио «Вера». См.: В Telegram появились каналы православной тематики // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. 2016. 6 июля. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4554693.html> (дата обращения: 07.08.2021).

всех оказался ответ, что это деление, с одной стороны, зыбкое и весьма условное, но, с другой стороны, оно все-таки используется в дискурсе различных направлений внутри церковной среды РПЦ. Однако далеко не все респонденты готовы были причислить созданные ими медиа к входящим в созвездие «либеральных»:

Сама терминология устаревшая, очень условная и огрубленная. В конце 1990-х — начале 2000-х годов либералами считали тех, кто за экуменизм, за богослужение на русском языке, за открытость миру, за дружбу с католиками. А консерваторами считались те, кто за то, чтобы ничего не менять, быть как деды и прадеды — косоворотка и лапти, патриотизм, царь-батюшка. Сейчас эти понятия более размыты, смешаны, каждый по-своему понимает, что такое либеральное, а что — консервативное. Четко консервативный сайт — «Православие.ру». Условно-либеральными можно назвать только блогеров. «Церквача» называют либеральным, «Ахиллу», но лишь по признаку критики. Мы либеральные в том смысле, что мы за права человека, открытость и проч. <...> Мы думали, наш ресурс будет площадкой, объединяющей разные лагеря, для независимого и доброжелательного обсуждения церковных тем. Но не пошло это по многим причинам. Мы были неожиданным проектом. Для консерваторов мы слишком либеральны, для либералов мы слишком резкие, злые. В либеральной интеллигентской среде у нас не пошло с дружбой, потому что они нас восприняли как конкурентов. Мы в их понимании влезли на их территорию, на которой они своим весомым словом несли либеральные церковные ценности. («Ахилла», интервью, июль 2021 г.)

В приведенной цитате отчетливо звучит тезис о культурной неоднородности либеральной православной среды, существовании внутри нее разделения на «свой — чужой». Этому мнению противостоит тезис, высказанный в интервью с одним из авторов Telegram-канала «Религия сегодня». Респондент отметил, что часто обсуждаемое противостояние внутри православных либералов отнюдь не умаляет наличия у них общей идеи и большого потенциала для консолидированных действий:

Обычно считается, что либеральная «тусовочка» разрознена и все ругаются друг с другом. Но это не так: есть либеральная идея, которая объединяет, либеральные медиа в русле этой идеи и существуют. Русская консервативная тусовка не имеет единой внятной идеи, это просто все, кто не либералы. Для консерваторов, например, важно сохранить то, что от Советского союза сохранилось. А это плохо бьется с тем, что хотят церковные люди. Есть, например, митрополит Тихон Шевкунов, который сливает все в одно — и Сталина, и новомучеников, и все. Но сказать, что Тихон являет весь русский консерватизм, нельзя. Есть какой-то консерватизм вокруг Шипкова, есть вокруг остатков русских националистов, которые при этом еще и православные, еще примеры консерватизма, но создать что-то вместе эти люди не могут. А вот православные либералы сегодня консолидированы. Они выступают на разных площадках — в Шанинке, в Европейском и в РАНГХИСе, еще где-то. Это сильный выход за пределы и установка на диалог со светской либеральной публикой. И за счет поддержки светских либеральных медиа они идут таким широким шагом. А православные консерваторы сегодня сбиты в кучки, готовые перегрызться здесь и сейчас, у них нет установки на диалог. («Религия сегодня», июль 2021 г.)

В цитате выше респондент подчеркнул две тенденции в процессе кристаллизации современной либеральной православной среды — обращение к аудитории крупных столичных вузов для привлечения светской молодежи и интеллигенции, а также активный диалог со светскими либеральными СМИ. Однако ключевым принципом классификации направлений церковного дискурса, по мнению респондента, являются способы выстраивания взаимодействий внутри православной общины, с церковной властью, с государством:

Есть еще такие базовые вещи для либеральной мысли — сама идея богослужения на понятном языке и самоуправления прихода исходит из примата индивида над обществом. Важно не то, что мы все делаем по единым книгам, а то, что если я лучше понимаю русский язык, то имею право молиться на русском. Если приход хочет иметь этого священника, а не того, значит, тоже имеет право. Но здесь все не так просто. Например, Преображенское братство и ПСТГУ-шная тусовка плохо укладываются в противопоставление консерваторов и либералов. Есть три типа взглядов на взаимодействие внутри общины, общины и церковной власти, общины и государства. Они характеризуются следующим: есть позиция «строить вместе», сотрудничать там, где это возможно, она характеризует центральное направление, связанное с епископом Пантелеймоном Шатовым и ему подобными; есть позиция «строить рядом», которой придерживаются условные меневцы — давайте построим что-то хорошее, но не под эгидой РПЦ или не на государственные деньги; третья позиция — мы (с государством или с церковной властью — в зависимости от ситуации) все единое целое. Такие три подхода обнаруживаются и в медиасреде. («Религия сегодня», интервью, июль 2021 г.)

Характеризуя православные Telegram-каналы как консервативные или либеральные, респондент определил «Религию сегодня» как идеологически нейтральный. Более того, в интервью данный канал определялся как анонимный аналитический блог, нацеленный на обсуждение проблемы «религия и политика» применительно к разным религиям России, включая и православие:

В Telegram есть условно либеральное направление, которое можно охарактеризовать тем же «Батюшкой Лютером», «Православием и зомби», «Темной теологией» — это такое идейно-либеральное. Это больше с точки зрения мысли, а не политики. Туда же может примкнуть «Церквач» и «Ахилла». Есть официоз, который ни туда и ни сюда, к которому относится «Владимир Легойда». Есть консервативные каналы, консервативная аналитика типа «Лабарума» и «Правблога». Telegram-канал «Религия сегодня» был создан в 2019 г. Возникла мысль, что хорошо было бы сделать канал, который не был бы сильно политически ангажированным, был бы рассчитан на разную аудиторию, то есть в чем-то выражал бы наши взгляды, в чем-то просто умеренные взгляды, в котором можно было бы вести дискуссию с другими «телеграмерами», занимающимися христианскими темами или другими религиями. У нас была идея не говорить свои имена, потому что мы пишем от лица канала. Состав редакции меняется, от трех до пяти человек. Основная концепция канала — мы говорим о религии и политике, стараемся при этом быть минимально за или против кого-то. Публикуем короткие тексты по общественно-религиозным вопросам, законотворчеству, реагируем на новости

из жизни религиозных сообществ. Конкуренцию нам создают отчасти каналы «Со своей колокольни» и «Восточная церковь». Эти каналы не консервативные и не либеральные, нейтральные, мы такие же. («Религия сегодня», интервью, июль 2021 г.)

Иначе выстраивается фрейм релевантности дискурса об РПЦ теми, кто охарактеризовал свои каналы в качестве либеральных. Так, автор канала «Батюшка Лютер» подчеркнул, что внутри РПЦ имеет место разделение на либералов и консерваторов, но понять его можно при условии различения политических программ и церковно-идеологических установок:

В русском православии есть две горячие темы: язык богослужения и изменения в чинопоследовании богослужений — то, из-за чего был раскол в XVII веке. Наши сегодняшние споры — это последствия травмы раскола. Есть два главных вопроса, по которым маркируют человека как консерватора или либерала. Если он за богослужение на русском и за реформу чинопоследования, то все — он либерал. И наплевать, какие у него идеи по всем остальным пунктам. Но это очень плоско. Русские люди — формалисты, и любой отход от формы — это травма. Отец Александр Шмеман, например, — такая икона русских либералов, поскольку он был за то, чтобы сделать литургию ближе к людям, вся литургическая реформа проистекает из его идей. Но, если почитать его труды, он очень на консервативных позициях стоял. Само слово «либерал» ругательное в современной России. Если хотят потопить священника, называют его либералом. Из Telegram-каналов такой очень консервативный — «Лабарум», и еще один — «Центр „Хризма“». Они ультраправой повестки, все время полощут канал «Батюшка Лютер». Или вот «Сорок сороков», которых изначально воспринимали как народное движение, но на деле они оказались очень политизированными. Надо разделять политику и дела церковные: церковные либералы и консерваторы отличаются от политических. («Батюшка Лютер», июнь 2021 г.)

Принципиально важно, что именно канал «Батюшка Лютер» в июле 2020 г. инициировал дискуссию «телеграмеров» по теме либеральное направление в РПЦ. Участие в ней приняли самые разные каналы, а палитра высказанных мнений варьировала от оценки церковного либерализма как «мертвого клише» до определений «либерального лагеря» как объединенного набором социальных, правовых и политических идей. Сам канал «Батюшка Лютер» охарактеризовал среду православного либерализма как состоящую из разных групп, неконсолидированных, но взаимодействующих друг с другом. В основе их возможного сближения лежит консенсус по четкому набору тем, актуальных для церковного либерализма. С точки зрения канала, для либерального дискурса об РПЦ релевантны темы «системных преобразований: независимого церковного судопроизводства, реальной соборности и выборности клира, финансовой отчетности, защиты интересов рядового духовенства и мирян» (цитата из поста канала «Батюшка Лютер» от 10 июля 2020 г.).

Активное участие в дискуссии принял канал «Православие и зомби». Его авторы охарактеризовали свой канал как посвященный либеральному церковному дискурсу об РПЦ и подчеркнули, что сами разработали собирательный портрет

российского церковного либерала. Представленный каналом портрет предполагает оценку принадлежности к православному либерализму по трем типологическим признакам — пантеон, религиозные убеждения, социально значимые идеи и практики.

В *пантеон*, или круг богословов, релевантных для современного церковного либерала, авторами были включены: митрополит Антоний Сурожский, протоиерей Александр Мень, мать Мария (Скобцова), протоиерей Александр Шмеман, новомученики (канонизированные жертвы советской власти); богословы Парижской школы (протоиерей Сергей Булгаков, протопресвитер Николай Афанасьев, Оливье Клеман и другие); авторитетные духовники (архимандрит Софроний (Сахаров), архимандрит Таврион (Батозский), священник Георгий Чистяков, протоиерей Павел Адельгейм, протоиерей Виктор Мамонтов, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и другие), Дитрих Бонхеффер.

В комплект *религиозных убеждений* православных либералов респонденты включили следующие: евхаристическое богословие, приоритет религиозного опыта над церковной доктриной, критика клерикализма, модернизация обряда, этика как часть веры, просвещение как миссия, снятие противоречий между наукой и религией.

В круг *социально значимых идей и практик* православного либерала входят: благотворительность — активное участие в благотворительных мероприятиях в качестве волонтеров/сотрудников НКО или в личном качестве; пацифизм и в целом неприятие насилия; правозащита, основанная на христианском понимании достоинства личности; историческая память — поминовение жертв советских репрессий, включая радикальные формы вроде призывов к коллективному покаянию за большой террор (специфика общин Кочеткова); инклюзивное отношение к разным стигматизируемым сообществам (хотя в вопросе принятия в церкви ЛГБТ+ даже в среде церковных либералов существует очень сильная поляризация).

Предложенный авторами канала «Православие и зомби» собирательный портрет трактовался в интервью как описывающий разнообразие групп, которые типологически можно отнести к так называемым церковным либералам. Собственное видение фрейма релевантности коммуникаций об РПЦ авторы канала «Православие и зомби» определили как связанное с обсуждением тем восстановления института права в церкви, создания правовой системы с независимым судебным производством, расширения прав различных групп на участие в церковном управлении и борьбы с дискриминацией внутри церкви. Квинтэссенцией либеральной позиции должна стать, по их мнению, «ориентированность на плюрализм, инклюзивность и солидарность, которые требуют хотя бы минимальной эмпатии. И этот ресурс у православия тоже есть — это идея соборности, как ее понимали русские богословы и религиозные философы» (цитата из поста канала «Православие и зомби» от 9 июля 2020).

Либеральные Telegram-каналы: case-study

В настоящем разделе я проанализирую два кейса — каналы «Православие и зомби» и «Батюшка Лютер». Именно их авторы инициировали в 2018—2020 гг. формирование в Telegram ниши либерально-аналитического дискурса об РПЦ.

Коммуникативные практики обоих каналов тематизированы исключительно либеральным фреймом релевантности. Они располагают большим количеством подписчиков, вплетены в коммуникации других православных каналов и часто упоминаются в острых дискуссиях нелиберальных «телеграмеров». В интервью авторам каналов были предложены вопросы о мотивах создания блога, о целевой аудитории, выборе тем, динамике развития контента в течение времени ведения каналов.

«Православие и зомби» был создан в 2018 г. как авторский канал (имена авторов указаны в описании канала), профилирующийся на освещении избранных событий и реалий церковной жизни «с комментариями от автора бестселлеров „Матушки“, „Россия: взгляд с колокольни“ и „Вавилон и окрестности“»¹⁰. Объясняя мотив создания канала, его автор-основатель подчеркнула, что имела долгосрочный опыт сотрудничества и работы в православных церковных СМИ. Однако этот опыт привел к отчетливому пониманию, что фрейм релевантности этих СМИ не допускает возможности открытого аналитического высказывания по остроактуальным проблемам современной церковной жизни. Telegram как медиа привлек ее своей новизной, отсутствием функции комментариев, возможностью публикации заметок в журналистском ключе, но без цензуры со стороны главного редактора, свободой в подборе тем и форме подачи материала. Поначалу целевой аудиторией канала стал круг ближайших единомышленников, а также коллеги из светских СМИ, желавшие иметь компетентную экспертизу по актуальной повестке в РПЦ. В дальнейшем аудитория значительно расширилась:

*В 2018 г. хотелось попробовать, как это устроено в Telegram. В Facebook** у меня столько друзей и знакомых, которым не интересно про православие. Хотелось в одно место собирать, заметки, размышления, тезисы, которые у меня есть о православии. И получилось такое маленькое СМИ — 6 128 подписчиков. Из каких-то постов тексты получались. Потом я его бросила на какое-то время. Это совершенно бесплатная работа получается. Название канала — просто ироничная шутка, аллюзия и парадокс. Все началось с «Гордость и предубеждение и зомби» — все такое классическое и благолепненькое, а там зомби. Аудитория канала — френды, которым интересны мои комментарии о православии, и православная часть моих знакомых. Еще мои коллеги и друзья журналисты, которые ждут от меня объяснений. Одна из моих социальных функций — объяснять коллегам и друзьям, а что это на самом деле. Они не из этой среды, и на каждый инфоповод они обращаются ко мне — по событиям, по экспертам. Судя по отзывам в личку, это так и работает. За три года аудитория выросла, но я понятия не имею, кто эти люди. Это как стандартное СМИ — транслирует информацию, я продумываю форму подачи — картинки, листинг и проч. Все существует в произвольном виде. Подборки тем специально не создаем. Чаще всего это по вдохновению, либо инфоповод, инсайдерская информация, или какие-то вещи, о которых все говорят. Мы не подписывались обрабатывать все инфоповоды. («Православие и зомби»)*

В приведенной цитате канал «Православие и зомби» оценивается автором как СМИ, альтернативное другим официальным и зарегистрированным православным

¹⁰ URL: <https://t.me/orthozombies> (дата обращения: 06.04.2022).

медиа. В ответе на вопрос о классификации православных медиа респондентка отметила, что ни одно из них не рекомендовала бы тому, кто хочет иметь «объективную картинку». Если интересуют актуальные внутрицерковные трактовки событий и прочее, то искать такое следует в Telegram:

Я сама никакие православные СМИ не рекомендовала бы. Если по каким-то причинам надо знать, что происходит, то надо мониторить официальные сайты, например «Патриархия.ру». А для объективной картинки надо читать Telegram-каналы, подписаться на основные и читать. Рабочая группа по коронавирусу при Патриархии, например, очень информативный канал. Telegram-каналы делятся на анонимные и с авторами. Есть канал Церквач, который публикует сливы, из которых большая часть оказывается вполне соотношенной с реальностью. Если взять одновременно «Церквач» и «Патриархия.ру», некая объективная картинка вырисовывается. Есть «Религия сегодня» с экспертными оценками, вполне профессиональная команда работает. Есть «Православие и зомби», но это взгляд. Можно хохом подписаться на все — «Легойда», «Вахтанг Кипшидзе», «Савва Тутунов». Из всего этого складывается более или менее мозаичная реальная картинка. Из СМИ почерпнуть нормальную информацию трудно, куча текстов. Есть, конечно, такие просвещенческие тексты — на Правмире, про православие. («Православие и зомби», интервью, июль 2021 г.)

В 2020 г. у канала «Православие и зомби» появился второй автор, охарактеризовавший себя в интервью как либерального теолога. В его ответах была сходная оценка канала в качестве «облегченного СМИ», вещающего прежде всего для гуманитарной интеллигенции и имеющего свою «повестку». Специфику формата респондент определил как лапидарные тексты, доносящие до аудитории смысл в предельно доступной форме. Год спустя второй автор открыл канал-блог «Темная теология» для публикации собственных размышлений на темы современной либеральной теологии:

К «Православие и зомби» я подключился с 2020 г. Мне кажется, что аудитория канала — это гуманитарная интеллигенция, часто не связанная с религией, но ей интересно почитать, что там происходит. Комментарии не подключены. Тут идея облегченного СМИ, тут логика вещания. Когда канал создавался, не было опции комментариев. Мы так себе это и мыслили, как радиоточку. Если аудитории нравится, она подписывается. У нас около 50 % подписчиков активно вовлечены в канал. Средний охват 78 %. У нас два типа повестки — актуальная и просветительская. Мы все обсуждаем, прежде чем писать. Первый вариант — я читаю что-то обсуждаемое или это может быть интересно нашей воображаемой аудитории. Второе направление — популярные теологические темы. Например, наткнулся на нетривиальные темы, есть такая астро-теология. Мы стараемся без зауми писать, а для зауми я специальный канал завел — «Темная теология». Мой канал — это не СМИ, скорее, заметки на полях того, чем я занимаюсь, это блог. Полторы недели существует, но уже набрал тысячу подписчиков. Телеграм был выбран, потому что нравится способ структурирования — это канал, который можно упорядочивать — в отличие от фейсбука, который площадка. («Темная теология», интервью, июль 2021 г.)

В 2018—2019 гг. коммуникативные практики канала «Православие и зомби» составляли преимущественно аналитические записки и критические комментарии ключевых событий внутри организационной жизни РПЦ (кадровые перестановки, выступления ее спикеров, события в конкретных приходах и т. п.), а также об участии РПЦ в политической и социальной повестке российского общества. После годичного перерыва, в 2020 г., канал возобновил свою активность уже силами двух авторов. Подключение к работе канала второго автора привело к постепенному размыванию узкой логики «облегченного СМИ» — круг тем и ассортимент практик расширились. «Православие и зомби» стал активнее участвовать в дискуссиях других каналов, публикуя у себя отклики или ответы на поднимаемые там вопросы. На канале появились аналитические дайджесты мнений внутри закрытых приходских чатов и групп православных священников в мессенджере WhatsApp. Авторы представляли краткие обзоры результатов опросов, проведенных в этих чатах. Кроме того, появились формы взаимодействия с аудиторией — анкеты по текущим остроактуальным сюжетам церковной жизни. Например, анкета о церковной жизни до и после пандемии, нацеленная на сбор информации о религиозных медиапрактиках подписчиков в период локдауна.

Анализ динамики изменения тем показывает, что в первый год вещания канала преобладали посты о дискуссиях вокруг признания РПЦ «царских останков», о контенте православных медиа и переговорах между РПЦ и Украинской Православной Церковью, о возможности реформирования управленческих структур РПЦ, об отношении к локдауну внутри РПЦ в период первой волны пандемии COVID-19. В 2020—2021 гг. появились аналитические обзоры по таким важным темам либерального дискурса, как проблемы теологического образования в российских духовных и светских ВУЗах, интерпретации визуальных образов «новых» иконописцев, разбор тезисов зарубежных либеральных теологов.

Анализ ссылок канала на иные медиа и другие Telegram-каналы показал, что преобладают ссылки на те светские медиа, в которых публиковались статьи об РПЦ автора-основателя канала, — Meduza*, Takiedela, Московский центр Карнеги, Colta. На православные медиа авторы ссылаются редко, и в лидерах здесь «Патриархия.ру» и «Православие и мир». Сайт «Патриархия.ру» упоминался преимущественно в связи с отсылкой к инфоповоду для аналитической заметки канала или для комментария. Ссылки на портал «Православие и мир» — это в основном ссылки на статьи прежних лет автора-основателя канала. Из православных Telegram-каналов самые частые ссылки на посты собственного канала, а также были рекомендованные для чтения или для информации «Религия сегодня», «Церквач», «Батюшка Лютер».

«Батюшка Лютер» стартовал в 2019 г. как анонимный священнический канал, нацеленный преимущественно на обсуждение составляющих либерализации РПЦ. Он быстро набрал большое количество подписчиков и оппонентов. В описании канала в качестве ведущей тематической рамки было обозначено следующее: «Ecclesia semper reformanda est. Обновление — нормальный модус бытия Церкви. Мы пишем о церковной реформе. Наша цель — дать свой личный и субъективный ответ на актуальные вопросы»¹¹. Однако из интервью с одним из первоначальных

¹¹ URL: <https://t.me/batluter> (дата обращения 11.04.2022).

авторов следует, что за два года своего существования канал пережил изменения и в составе ведущих, и в практиках, и в тематическом формате:

Вначале было несколько авторов, мы думали начинать в ЖЖ, но потом решили в пользу Telegram, который тогда был в тренде. Название долго выбирали, пришла идея назвать «Батюшка Лютер». В названии зашифрованы три аллюзии: на реформу церкви («Лютер»), на принадлежность к православному священству («батюшка»), на панк-рок и вообще на контркультуру («батюшка Ленин» из песни Летова). Месяц мы готовились и в феврале 2019 г., когда как раз была годовщина интронизации Патриарха Кирилла, мы «выстрелили». Здесь важно учитывать, что, когда мы начинали, в церковном секторе Telegram был только один анонимный канал — «Церквач». «Батюшка Лютер», насколько мне известно, стал вторым. Был еще авторский канал «Православие и зомби», но он, во-первых, никогда не был анонимным, во-вторых, на первом этапе своей деятельности просуществовал не очень долго. В определенный момент другие участники «Батюшки Лютера» отошли от проекта, и я остался один-единственный автор. <...> Обратной связи с аудиторией у нас нет. Поначалу в Telegram и не было функции комментирования, но мы и собирались выступать без комментариев со стороны. Когда появилась функция комментариев, я не стал ее включать, потому что зачем все эти выяснения отношений, распри? Вообще мы думали, что, как только кто-то начнет говорить о реформе в церкви, все сразу откликнется, и реакция пойдет как домино — все начнет меняться. Но вскоре стало понятно, что так не будет. Первые посты были про организацию финансовой жизни прихода. Эту тему я выбрал сознательно, потому что хотелось принести в дискуссию о реформе церкви что-то свежее, перестать по пятисотому разу обсуждать язык богослужения и чин литургии. Тогда полагали, что канал будет только о разных аспектах реформы: как должна поменяться РПЦ, ее служение, организация приходской жизни, священноначалие и отношения священноначалия и подчиненных и т. д. Весь этот спектр тем мы пытались охватить максимально. Параллельно с этим осознали, что это скучновато для широкой аудитории, поэтому начали уделять внимание актуальным вопросам. Тогда как раз была тема с Украиной, ну, и всякими-разными инфоповодами, связанными с РПЦ. Хотели таким образом привлечь большую аудиторию, чтобы люди могли узнать наши идеи, как может измениться РПЦ. Но постепенно стало неинтересно писать о жареном. Теперь больше богословские интересуют вопросы, нежели церковно-политические. Видимо, из-за этого «Батюшку Лютера» стали меньше репостить. («Батюшка Лютер»)

В приведенной цитате отчетливо прослеживается постепенное изменение коммуникативного формата канала — от средства вещания (2019 г.) в направлении блога (2020—2021 гг.). В сравнении с каналом «Православие и зомби», претендующим на статус «облегченного СМИ», «Батюшка Лютер» весьма разнообразен по коммуникативным практикам. Текстовый анализ блога показал, что в нем присутствуют не только аналитические эссе по темам либерализации организационной структуры РПЦ, изменения богослужебных правил, приходской жизни, беспорядочного положения младшего духовенства и др., и не только критические комментарии к остроактуальной повестке РПЦ. «Батюшка Лютер» публикует рецензии на книжные новинки церковных авторов, известных священников и мирян,

чи убеждения созвучны либеральному фрейму канала. Подписчики могут пользоваться объемной библиотекой, в цифровом реестре которой имеются и дореволюционные переводы на русский язык богослужебных текстов молитв и литургий, и аудиофайлы записей встреч с теологами или священниками, проведенных в прямом эфире канала. Первоначальный отказ от взаимодействия с аудиторией постепенно сменился новыми формами коммуникации с подписчиками — аудиочаты с возможностью прямого подключения, аудиозаписи с гостями, приглашенными к «Батюшке Лютеру». Весьма интересной представляется и коммуникативная практика привлечения других Telegram-каналов к дискуссии по определенной теме. Например, уже упомянутая дискуссия о либеральном направлении в РПЦ (июль 2020 г.). По сути дела, «Батюшка Лютер» использовал стратегию создания «цифрового круга историй», когда через ссылки, хештеги и поименования Telegram-каналов, которые находятся в коммуникативной связке друг с другом, запускается цифровая история по определенной теме и к ней каждый из участников добавляет свои комментарии, критику или мнение.

Анализ ссылок канала позволяет говорить о продуманной стратегии формирования блогосферы православных «телеграмеров», откликающихся на обсуждение спектра тем, посвященных либерализации церковной жизни. В число самых частых входят ссылки на каналы «Быть», «Научпоп», «Религия сегодня», «Православие и зомби», «Темная теология». Перечисленные каналы также ссылаются на блог «Батюшка Лютер», включают его название в популярные среди православных «телеграмеров» опросы подписчиков о «топах» читаемых ими блогов.

Заключение

Проведенное исследование показало, что медианиша Telegram содержит широкий ассортимент православных аналитических каналов, ведущихся представителями официальных церковных структур или официальных православных СМИ, священниками, воцерковленными мирянами и т. п. Они презентуют различные мировоззренческие позиции церковного дискурса о современном православии и РПЦ. Внутри этой ниши имеется отчетливый сегмент взаимосвязанных коммуникаций по темам, релевантным для либерального мировоззренческого направления церковного дискурса. Конstellация акторов, включенных в коммуникации по темам, релевантным для либерального дискурса, представлена преимущественно поколением родившихся в конце 1970-х годов и в 1980-х годах. Их юность и социализация пришлись на 2000-е годы — короткий период организационных инноваций в РПЦ, крохотную «оттепель», обещающую дальние горизонты. Биографические нарративы респондентов, школьная и вузовская социализация которых прошла в среде московской воцерковленной интеллигенции, обнаруживают общие коммуникативные коды принадлежности к определенной мировоззренческой нише российской церковной среды. Общим для них стал также поиск возможности объединить свои религиозно-мировоззренческие позиции с профессиональной самореализацией. Большинство респондентов располагали богатым опытом работы в церковных структурах или сотрудничества с церковными и околоцерковными СМИ, включенными в их индивидуальные медиарепертуары. Однако и в случаях выбора в пользу стези православного священника, и в случаях

выбора профессионального пути церковного журналиста поиск наталкивался на противодействие консервативной церковной среды, противившейся идейным и организационным инновациям. Невозможность реализовать жизненные сценарии, сложившиеся в периоды воцерковления и глубоких погружений в церковную жизнь, приводила респондентов к поиску альтернативных пространств с возможностью свободного высказывания своих мыслей и коммуницирования с единомышленниками. Таковыми для многих стали интернет и новые медиа.

В Telegram существуют православные каналы, коммуникации которых напрямую посвящены темам либерализации РПЦ, и каналы, высказывающиеся по этим темам опосредованно — через комментарии текущей новостной повестки в либеральном ключе или участие в межканальных дискуссиях. Каналы, нацеленные узко на либеральный паттерн дискуссии об РПЦ, имеют отчетливый фрейм релевантности. Селекция смыслов, релевантных их фрейму, производится в соответствии с тремя критериями — ориентированность на определенных богословов, религиозные убеждения, социальные идеи и практики. Сообразно этому фрейму в качестве релевантных для прямого обсуждения выступают следующие темы: восстановление института права в церкви, создание правовой системы с независимым судебным производством, расширение прав различных групп на участие в церковном управлении, выборность клира, финансовая отчетность, защита интересов рядового духовенства и мирян. Выборочный case-study либеральных каналов показал, что их практики разворачиваются либо в логике нишевого СМИ, либо в логике блога. В обоих случаях основным в ансамбле используемых медиа выступает Telegram, а вот привлечение дополнительных зависит от коммуникативного профиля канала.

Ведущим методом своего исследования я намеренно избрала case study, позволяющий социологу сосредоточить анализ непосредственно на объекте изучения, а не на соотношении объекта с некоей удобной, «объективно существующей» идеологически ангажированной рамкой. Применительно к объекту данного исследования такой рамкой могло бы стать традиционное противопоставление «правых и левых», «либералов и коммунистов» и т. Однако в мои задачи входило открыть дискуссию по сложной для отечественной социологии религии теме — направлениям церковного дискурса о современном российском православии. В развитие этой дискуссии, полагаю, будет полезным сдвинуться с обочины политологических трюизмов в направлении прикладных качественных исследований проблемы.

Список литературы (References)

Агаджанян А. Сопротивление и покорность. Вызовы пандемии, позднемодерные эпистемы и русский православный этос // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39. № 1. С. 12—38. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-12-38>.

Agadjanian A. (2021) Resistance and Submission, Pandemic, Late Modern Epistemes, and Russian Orthodox Ethos. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 39. No. 1. P. 12—38. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-12-38>. (In Russ.)

Богданова О. Медиатизация пастырства в Русской православной церкви: предпосылки формирования сайтов с вопросами священнику // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 207—234. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234>.

Bogdanova O. (2020) Mediatization of Pastoral Care in the Russian Orthodox Church: Reasons Behind “Ask the Priest” Websites. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 38. No. 2. P. 207—234. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-207-234>. (In Russ.)

Белоруссова С. Православие в интернете и интернет в православии. Рецензия на: Suslov M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem Verlag // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 407—414. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-407-414>.

Belorussova S. (2020) Eastern Orthodoxy in the Internet and Internet in Eastern Orthodoxy. Review of: Suslov M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem Verlag. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 38. No. 2. P. 407—414. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-407-414>.

Гришаева Е., Шумкова В. Теории среднего уровня в исследовании религии и медиа: медиатизация, медиация и RSST // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 2. С. 7—40. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40>.

Grishaeva E., Shumkova V. (2020) Middle-Range Theories in Religion and Media Studies: Mediation, Mediatization and RSST. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 38. No. 2. P. 7—40. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-7-40>. (In Russ.)

Морозов М. Е. Образ священника в средствах массовой информации // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 6. С. 184—193. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.10>.

Morozov E. M. (2016) Clergy Public Image in Mass Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 184—193. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.10>. (In Russ.)

Островская Е. А. Миссия выполнима: православные батюшки-блогеры // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 1. С. 44—59. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59>.

Ostrovskaya E. A. (2021) Mission Possible: Russian Orthodox Priest Blog. Concept: Philosophy, Religion, Culture. Vol. 5. No. 1. P. 44—59. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-1-17-44-59>. (In Russ.)

Hepp A., Hasebrink U. (2018) Researching Transforming Communications in Times of Deep Mediatization: A Figurational Approach. In: Hepp A., Breiter A., Hasebrink U. (eds.) *Communicative Figurations. Transforming Communications — Studies in Cross-Media Research*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 15—48. https://doi.org/10.1007/978-3-319-65584-0_2.

Ostrovskaya E. (2021) Media Practices of Russian-Speaking Orthodox Jews: Women's Groups and Rabbis' Blogs on Facebook and Instagram. *State, Religion and Church*. Vol. 8. No. 1. P. 44—69.

Suslov M. (ed.) (2016) *Digital Orthodoxy in the Post-Soviet World: The Russian Orthodox Church and Web 2.0*. Stuttgart: Ibidem Verlag.

Uzlaner D. (2018) The End of the Pro-Orthodox Consensus: Religion as a New Cleavage in Russian Society. In: Köllner T. (ed.) *Orthodox Religion and Politics in Contemporary Eastern Europe: On Multiple Secularisms and Entanglements*. New York, NY: Routledge. P. 173—192.

Volz E., Heckathorn D. D. (2008) Probability Based Estimation Theory for Respondent Driven Sampling. *Journal of Official Statistics*. Vol. 24. No. 1. P. 79—97.